

УДК 947.085 (571.6)

DOI 10.24411/1026-8804-2020-10016

Дальний Восток СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

Галина Анатольевна Ткачева,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: tkacheva.ga@bk.ru

На основе обширной базы источников рассмотрены деятельность предприятий военно-промышленного комплекса, сельского хозяйства и транспортной системы, численность и состав населения, реалии повседневности дальневосточного общества и его готовность обеспечить безопасность восточных рубежей СССР. Выявлено, что Дальневосточный регион включался в процессы мобилизационной модели трансформации советского общества под давлением геополитической обстановки, выполняя оборонную (поддержание в боевой готовности Дальневосточного фронта, Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской флотилии), внешнеэкономическую и внешнеполитическую (взаимодействие СССР со странами антигитлеровской коалиции) задачи.

Освоение новых видов военной продукции изменило экономические связи между предприятиями разной ведомственной принадлежности, потребовал усовершенствования организации труда, смены технологий и оборудования, развёртывания (зачастую на тех же площадях) вспомогательных производственных цехов при минимальном использовании централизованных поставок сырья, материалов и полуфабрикатов, упор при этом делался на собственные возможности и максимальное упрощение конструкций выпускаемых изделий. Форсированное вовлечение ресурсов восточных территорий страны приводило к их неравномерному и одностороннему социально-экономическому развитию, что усиливало дифференциацию между отдельными административными образованиями региона. Изменение численности, размещения и состава трудовых и мобилизационных ресурсов происходило в русле политических, демографических, социально-экономических процессов военного времени. Приоритетная реализация общегосударственных интересов, обращение к национально-патриотическим традициям обусловили морально-психологическую и социально-экономическую устойчивость дальневосточного социума. Укрепление Дальнего Востока СССР соответствовало основным положениям советской военной доктрины, определяя развёртывание войсковых соединений в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дальний Восток, безопасность, мобилизационная экономика, население, социально-культурная реальность, вооружённые силы.

The Soviet Far East during the Great Patriotic War (1941–1945).

Galina Tkacheva, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: tkacheva.ga@bk.ru.

On the basis of a large number of sources, the paper analyses the activities of the enterprises of the military industrial complex, agriculture and the transport system, population growth and composition, the reality of daily life of the Far Eastern society and its readiness to ensure safety of east boundaries of the USSR. It is revealed that the Far Eastern region took part in mobilization processes of transformation of the Soviet society under pressure of the geopolitical situation carrying out defensive (maintenance of combat readiness of the Far Eastern Front, the Pacific Fleet and the Red Banner Amur Military Flotilla), foreign economic and foreign policy (the cooperation of the USSR with the countries of the anti-Hitler coalition) tasks.

The development of new types of military products changed the economic relations between the enterprises of different departmental subordination, demanded improvement of work organization, changes in technologies and equipment, expansion of secondary production departments (often at the same locations) with a minimum use of the centralized raw materials supply, materials and semi-finished products with a focus on own opportunities and maximum simplification of product design. The forced involvement of resources from the eastern territories of the country led to their uneven and lop-sided social and economic development that strengthened the differentiation between separate administrative units of the region. The population change, placement and structure of labour and mobilization resources happened in line with political, demographic, social and economic processes of wartime. The priority realization of state interests, the appeal to national and patriotic traditions caused moral and psychological as well as social and economic stability of the Far Eastern society. Strengthening the Far East of the USSR corresponded to fundamental principles of the Soviet military doctrine defining the deployment of military forces during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Far East, safety, mobilization economy, population, welfare reality, armed forces.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. геополитическая и военно-стратегическая расстановка сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии вынуждала правительство СССР принимать важные социально-политические, военно-экономические, организационно-правовые решения, направленные на создание мобилизационного резерва для поддержания в боевой готовности дальневосточной группировки войск.

Общесистемные взаимодействия определили административно-территориальную организацию, законодательные и исполнительно-распорядительные полномочия советско-партийных органов власти на общегосударственном и региональном уровне. Государственный комитет обороны

объединил высшие исполнительные и распорядительные органы государственной власти, он координировал работу общесоюзных и республиканских наркоматов по мобилизации людских, материальных, финансовых ресурсов, по подбору и расстановке кадров на Дальнем Востоке СССР, осуществлял контроль и проверку исполнения решений. Местные органы власти были обязаны возводить оборонительные рубежи и укрытия, создавать запасы фондируемых материалов и оборудования для нужд военного ведомства, ремонтировать подъездные пути местного значения для беспрепятственного следования воинских подразделений. Они отвечали за учёт трудоспособного населения, медицинское обслуживание и социальное обеспечение дальневосточников, а также за выпуск образцов военной техники местной и кооперативной промышленностью, за подготовку к противовоздушной и противохимической обороне.

Полномочия советов депутатов трудящихся, сформированных 24 декабря 1939 г., оставались легитимными в регионе вплоть до выборов 1947—1948 гг., но численность и состав депутатского корпуса изменились. Так, из 8072 учтённых депутатов Приморского края за годы войны выбыли по разным причинам 3342 чел., или 41,4%, в Хабаровском крае из 13 702 депутатов — 7633 чел., или 55,7%, включая 1983 чел. (25,9%) по мобилизации. Выбывших заменяли путём довыборов или кооптации из числа номенклатурных работников и наиболее активных общественников [подсчит. авт. по: ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 19. Л. 49; Ф. П-68. Оп. 28. Д. 289. Л. 5 об., 6 об.; Д. 292. Л. 48; Д. 295. Л. 84; ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 10. Л. 25, 26, 38, 38 об., 39—39 об.; Д. 53. Л. 32, 43].

Война внесла коррективы в систему отношений на уровне исполнительной деятельности. Хабаровский краевой исполнительный комитет возглавлял В.М. Истомина, а с декабря 1942 г. — Г.Ф. Аксёнов. В Приморском крае этот пост занимали Б.К. Чубаров, а с ноября 1943 г. — А.Ф. Блощаненко. Важнейшие решения принимались исполнительными комитетами, было практически узаконено проведение суженных заседаний, оперативных совещаний. Сессии шли с нарушениями конституционных норм, в их работе ввиду отсутствия кворума участвовали секретари партийных организаций, руководители промышленных предприятий и сельского хозяйства, командование военных частей всех уровней. Так, на шести краевых сессиях Хабаровского края (июль 1942 г. — апрель 1945 г.) присутствовали 268 депутатов и 283 председателя и секретаря исполкомов различного уровня. В качестве приглашённых было 265 специалистов, непосредственно участвующих в рассмотрении поднятых проблем, и 775 руководителей всех рангов. По сути, сессии превращались в расширенное совещание партийно-хозяйственного актива [подсчит. авт. по: ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 9. Л. 1—6, 18; Д. 11. Л. 1—2, 12; Д. 13. Л. 1; Д. 15. Л. 1—1 об.; Д. 16. Л. 1].

Функционирование государственного механизма на Дальнем Востоке во многом определяла ВКП(б). Первые секретари Хабаровского и Приморского краевых комитетов партии Г.А. Борков и Н.М. Пегов контролировали

деятельность административных структур всех уровней. «Коммунисты, вперед!» — это не просто лозунг военного времени, а повседневная практика. В годы войны в ряды партии на Дальнем Востоке вступили 27,2 тыс. чел., 37,6 тыс. — стали кандидатами в её члены. Члены и кандидаты в члены партии составляли 9—11,5% занятых во всех отраслях производства Дальнего Востока: в оборонной промышленности Хабаровского края коммунистов было 8,2% от численности рабочих и служащих, в нефтяной — 10,7%, угольной — 7,4%, на железнодорожном транспорте — 7%, водном — 4,6%, в строительных организациях — 8,8%, на предприятиях связи — 8,6%. Доля коммунистов в Приморском крае составляла на железнодорожном транспорте — 12,4%, водном — 9,8%, в угольной промышленности — 7,9%, рыбной — 8% [подсчит. авт. по: ГАХК. Ф. П-35. Оп. 14. Д. 20. Л. 74; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 1096. Л. 30; Д. 1097. Л. 54; Ф. 131. Оп. 1. Д. 164. Л. 111].

Взаимодействие дальневосточных партийных организаций и исполнительных комитетов позволяло учитывать в рамках отведённых им полномочий внутри- и межрегиональные интересы при наличии традиционных культурно-хозяйственных укладов и различий в социально-экономическом развитии административно-территориальных единиц Дальнего Востока. Возможность информирования советско-партийного руководства страны о положении дел в регионе обеспечила принятие важных военно-стратегических решений.

Война трансформировала социальную структуру советского общества. К июлю 1945 г. численность населения Дальнего Востока (без учёта жителей районов Колымы) составила 2 млн 475 тыс. чел. Наиболее ощутимые потери населения наблюдались в Еврейской автономной области — 29%, в районах Хабаровского краевого подчинения — 21%, в Амурской и Сахалинской областях — 18—19%, а на Камчатке численность жителей увеличилась. В то же время 44% населения края приходилось на долю Амурской и Еврейской автономных областей, 35% — на долю районов краевого подчинения. Приморский край, где было сконцентрировано 40,3% жителей региона, потерял до 20% населения. Относительно стабильный переход из одной возрастной группы в другую, наблюдающийся в предвоенный период, в годы войны сменился диспропорциями. С 1939 по 1946 г. в регионе количество населения в возрасте 18—29 лет сократилось с 32,7 до 18,2%, в возрасте 30—39 лет — увеличилось с 14,7 до 18,2%, 40—49 лет — с 7 до 9,8%. В выделенных возрастных категориях преобладали женщины, а среди мужчин — лица старшего возраста [подсчит. авт. по: ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 2. Л. 64—70; ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 4, 15; Д. 127. Л. 1; Д. 170. Л. 25, 33].

Миграционный отток мужчин призывного возраста усилил неравномерное распределение трудовых ресурсов. В общественном производстве (без учёта членов кооперативов) было занято 697,6 тыс. рабочих и служащих (98,8% от уровня 1940 г.), в том числе в промышленности — 33%, на железнодорожном транспорте — 8%, водном — 3%, на строитель-

монтажных работах — 5%, в совхозном производстве и подсобных сельскохозяйственных предприятиях — 8% [подсчит. авт. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 2143. Л. 15].

Женщины, подростки и пенсионеры заменили мобилизованных. К концу войны удельный вес женского населения составил 48,2% от общей численности работающих, в промышленности — 39%, на транспорте — 30,9%, в сельском хозяйстве — около 50%, в здравоохранении и образовании — 88%, общественном питании — 82%, торговле — 59%, государственных и общественных учреждениях — 62%. Среди рабочих и служащих насчитывалось 3% молодых людей в возрасте до 15 лет, 7% — 16—17 лет, 25% — 18—25 лет [подсчит. авт. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1779. Л. 172; Д. 1781. Л. 146, 147, 148, 149].

Дальний Восток СССР (исключая Колыму) относился к районам наиболее интенсивного сокращения населения сельской местности: в начале 1941 г. насчитывался 1 млн 222,9 тыс. сельских жителей, в 1945 г. — 888,3 тыс. Таким образом, за годы войны сёла региона недосчитались 334,6 тыс. чел., или 27,4% предвоенной численности [подсчит. авт. по: ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 2. Л. 64—70; ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 15; Д. 127. Л. 1; Д. 170. Л. 25, 33; Управление статистики Приморского края. Текущий архив. Д. 1. Л. 1]. Увеличилась социальная группа рабочих и служащих, а колхозников — уменьшилась. В 1940 г. в колхозах Хабаровского края насчитывалось 172,5 тыс. чел. наличного и 75,7 тыс. чел. трудоспособного населения, в 1945 г. — 141,8 тыс. и 53,9 тыс. соответственно. В Приморском крае численность колхозников уменьшилась в 1,3 раза (со 128,8 тыс. до 101,2 тыс.), в том числе трудоспособных — в 1,7 раза (с 59,1 тыс. до 36 тыс.). Если в 1940 г. дальневосточные колхозы, имея 44,8% трудоспособных, могли рассчитывать на помощь других социальных групп, то к 1945 г. наличное население сократилось в 1,2 раза, трудоспособное — в 1,5 раза, составив всего 37% наличного населения [подсчит. авт. по: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 90. Л. 34; ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. Л. 64—68].

Изменение численности, размещения и состава населения Дальнего Востока СССР происходило в русле политических, демографических, социально-экономических процессов военного времени. Увеличился дисбаланс между численностью городских и сельских жителей, кадровым потенциалом предприятий военно-промышленного и гражданского назначения, обострилась проблема трудовых ресурсов на Дальнем Востоке СССР.

Исходной составляющей функционирования региональных производственных структур являлось обеспечение Дальневосточного фронта, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии вооружением, боевой техникой, боеприпасами, горюче-смазочными материалами, предметами личного потребления и продовольствием. Жёстким государственным регулированием формировалась отраслевая специализация 1585 предприятий крупной и 7703 — мелкой промышленности Дальневосточного

региона. Местная промышленность, артели промысловой кооперации перешли на ремонт различного оборудования, обуви, пошив белья, парашютов, палаток, изготовление снаряжения для армии.

На заводах различной ведомственной принадлежности выпускались артиллерийские системы, миномёты, огнемёты, радио- и телефонная аппаратура, 16 видов боеприпасов. С 1941 по 1944 г. в Хабаровском крае было произведено 418 пушек, 12,5 тыс. миномётов, 291,3 тыс. взрывателей, 5,6 млн запалов, изготовлено 7,2 млн и снаряжено 4,7 млн гранат, соответственно — 13,3 млн и 11 млн мин, 736 тыс. и 357 тыс. авиабомб, 161,4 тыс. и 782,3 тыс. снарядов, в Приморском крае — 607,4 тыс. снарядов, 635 тыс. мин, 517,5 тыс. запалов, 55,8 тыс. авиабомб, 1,8 млн корпусов гранат [подсчит. авт. по: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 175. Л. 49; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1685. Л. 129]. В сравнении с общесоюзными показателями вклад Дальневосточного региона в производство предметов военного потребления незначителен. Накопленный маневренный запас вооружения и боеприпасов на складах и военных базах позволил сократить расходы, но обеспечить потребности дальневосточных воинских формирований не удалось.

Авиационные заводы региона изготавливали мелкосерийные и штучные изделия (свыше 50 наименований запасных частей и деталей), производили капитальный и восстановительный ремонт самолётов и моторов, агрегатов и узлов, выпустили более 2,2 тыс. самолётов ИЛ-4

Сварка корпусов авиабомб на комбинате «Сихали» Приморского края, 1942 г.

(модернизированный самолёт ДБ-3), около 3 тыс. — УТ-2. За 1941—1945 гг. производство боевых самолётов на Дальнем Востоке составило всего 4—5% от их выпуска в целом в СССР, но даже такое количество поддерживало обороноспособность региона [подсчит. авт. по: ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1457. Л. 12—13; Д. 1685. Л. 115—116; Д. 1683. Л. 42, 43; Ф. 1276. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 90. Л. 19; Д. 132. Л. 82, 83; Д. 161. Л. 107—108; Оп. 30. Д. 175. Л. 44, 45].

Судостроительный завод в Комсомольске-на-Амуре передал Тихоокеанскому флоту и Амурской военной флотилии 2 крейсера, 5 эскадренных миноносцев, 2 подводные лодки, 2 речных дизель-электрических парома; завод им. С.М. Кирова в г. Хабаровске — по 2 сетевых заградителя и монитора, отремонтировал 4 подводные лодки; Владивостокский завод (Дальзавод) построил 3 боевых корабля, отремонтировал 14 судов и 82 корпуса судов, 136 боевых единиц и 432 корпуса кораблей ТОФ, оснатив их противоминными и противомagnetными устройствами, гидроакустическими приборами, специальной аппаратурой радиолокации и связи. Ещё не достроенный аккумуляторный завод № 364 в Комсомольске-на-Амуре передал армии и флоту за два года войны 39 батарей для подводных лодок, 141,9 тыс. автобронетанковых батарей и 3,2 млн аккумуляторных пластин [подсчит. авт. по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 329. Л. 19, 20; ГАХК. Ф. 740. Оп. 2. Д. 22. Л. 1, 12, 13, 15].

Завод «Амурсталь» (принят в эксплуатацию в феврале 1942 г.), использовавший привозное сырьё, выпустил 156,3 тыс. т стали и 109,5 тыс. т среднего и тонкого листа для покрытия потребности оборонной промышленности в металле. Тресты «Амурзолото» и «Приморзолото» передали государству более 34 тыс. кг золота, Умальтийский комбинат — 820 т 80%-го молибденового концентрата, на полиметаллических комбинатах Приморского края удалось выработать 134,5 тыс. т цинкового концентрата, 37,3 тыс. т рафинированного свинца, 128,9 т серебра, 145,3 т висмута [подсчит. авт. по: ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 191. Л. 3; Д. 240. Л. 1, 5, 6; Д. 1457. Л. 34, 35; Ф. 353. Оп. 6. Д. 58. Л. 8; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 161. Л. 86—93]. Жёсткая экономия средств и материалов, механизация трудоёмких процессов, горных работ позволили добыть за годы войны в Магаданской области 360,2 т химически чистого золота, 18,9 тыс. т оловянного концентрата, 280 т трёхокси вольфрама [3, с. 120].

Рост добычи угля на Дальнем Востоке в годы войны был незначителен — с 7 млн 217 тыс. т в 1940 г. до 7 млн 858 тыс. т в 1945 г. — и составил соответственно 4,4 и 5,3% общесоюзной добычи [подсчит. авт. по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 73. Л. 20; ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 76. Л. 1, 3, 6]. На нефтепромыслах Северного Сахалина было добыто 3 млн т нефти (2,7% общесоюзной и 11,7% общероссийской добычи), что удовлетворяло потребности региона лишь наполовину, дефицит покрывался за счёт поставок по импорту и из других регионов [подсчит. авт. по: ГАСО. Ф. 575. Оп. 3. Д. 32. Л. 1; Ф. 54. Оп. 1. Д. 175. Л. 477; Ф. 587. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; Д. 5. Л. 2]. По отдельным видам

нефтепродуктов Хабаровский край получил 79,5% от установленных лимитов, Приморский — 30—40% мазута и моторного топлива, 82—90% бензина и дизельного топлива [подсчит. авт. по: ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 76. Л. 9, 10; ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 62. Л. 39]. Ведомственные электростанции (только три входили в систему Народного комиссариата электростанций), работавшие на твёрдом и жидком топливе, несмотря на увеличение выработки электроэнергии, не смогли ликвидировать её дефицит.

Формирование многоотраслевого производства шло по вертикали (создание заводов-комбинатов с законченным циклом производства) и горизонтали (корректировались и устанавливались связи между отраслями), ориентировалось на производство готовой продукции при минимальном использовании централизованных поставок сырья, материалов и полуфабрикатов, упор делался на собственные возможности и максимальное упрощение конструкций выпускаемых изделий. Освоение новых видов военной продукции изменило экономические связи между предприятиями разной ведомственной принадлежности, распределение материальных и финансовых средств, рабочей силы, потребовав от одних усовершенствования организации труда, от других — смены технологий и оборудования, от многих — развёртывания (зачастую на тех же площадях) вспомогательных производственных цехов.

Дислокация воинского контингента на Дальнем Востоке являлась, с одной стороны, стимулом для развития жизнеобеспечивающих отраслей, а с другой — дополнительным бременем для ограниченных региональных ресурсов. Война оказала разрушительное действие на производительные силы сельского хозяйства. Курс на расширение и изменение

Школьники Приморья на сельскохозяйственных работах, 1942 г.

структуры посевов поставил просто непосильные задачи для государственных и кооперативных хозяйств региона: на одного трудоспособного колхозника приходилось от 10 до 13 га обрабатываемой земли, в полеводстве — до 15 га (рекордная для СССР цифра). Труженики Дальнего Востока несли максимальную нагрузку. Из-за сокращения материально-технической базы колхозов и совхозов даже интенсивное использование на сельскохозяйственных работах сельских и городских жителей, военнослужащих не привело к увеличению производства сельхозпродукции. Валовой сбор зерновых сократился в 1,4 раза, сахарной свёклы — в 5 раз, сои — в 1,7 раза, картофеля и овощей — в 1,9 раза, надоев молока снизились на 9,1%. За годы войны из Дальнего Востока государству было поставлено 969,3 тыс. т зерна, 496,7 тыс. т картофеля, 247,1 тыс. т овощей, 650,3 тыс. ц молока, 285,9 тыс. ц мяса, 24,7 млн яиц. На долю региона приходилось 1,8% зерновых, 0,6% мяса и молока, 1,4% яиц всех государственных заготовок по тыловым районам страны [подсчит. авт. по: ГАПК. Ф. 35. Оп. 4. Д. 95. Л. 2, 3, 7—12, 15, 16; ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. Л. 90—210]. Он не мог снабдить достаточным количеством продукции собственного производства население и воинские формирования, которые в значительной степени обеспечивались централизованно.

Значительную роль в пополнении продовольственной базы страны играла дальневосточная рыбная промышленность, где добычу и обработку осуществляли 105 крупных рыбокомбинатов и рыбозаводов, 230 рыболовческих колхозов, а также предприятия и торгово-снабженческие организации, воинские соединения и силовые структуры, местное население. За 1941—1945 гг. дальневосточные рыбаки добыли 17 млн 323,8 тыс. ц рыбы и морепродуктов, что составило 32,8% в целом по стране. С увеличением добычи рыбы-сырца возрос выпуск и расширился ассортимент готовой продукции. На Камчатке было выработано 3 млн 190 тыс. ц рыбопродукции, 4 млн 255,3 тыс. ящиков консервов, в Приморье — соответственно 177,6 тыс. ц рыбопродукции и 1 млн 755,9 тыс. ящиков консервов. При всех трудностях и недостатках рыбная отрасль Дальневосточного региона выполняла очень важную задачу — за счёт расширения районов и объектов промысла, увеличения уловов и объёмов переработки рыбы удовлетворяла потребности фронта и тыла в высококачественных продуктах, компенсировав потери других видов продовольствия.

В условиях военного времени задачи функционирования военно-оборонных предприятий и стратегического развёртывания дальневосточной группировки войск решались путём взаимодействия всех звеньев транспортной системы общесоюзного и регионального назначения. Объём и направление транспортных перевозок были тесно связаны с региональными особенностями развития военно-промышленного комплекса и зависели от поставок по ленд-лизу. За годы войны по Дальневосточной и Амурской железным дорогам было перевезено более 70 млн т, Приморской — 46,3 млн т различных грузов. Несмотря на сложную и опасную

обстановку на морских путях, недостаточное обеспечение судов и береговых предприятий, Дальневосточное пароходство перевезло более 13 млн т груза, в том числе 7,8 млн т импортного, морской транспорт Хабаровского края — 9,7 млн т (включая 1,9 млн т импортного). Общий объём грузооборота Владивостокского торгового порта составил 10,2 млн т, в том числе 7,2 млн т импортного и 171,7 тыс. т экспортного груза [подсчит. авт. по: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 161. Л. 145—152, 156—159; Ф. 353. Оп. 9. Д. 58. Л. 87; Д. 64. Л. 102; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1457. Л. 39; Ф. 730. Оп. 6. Д. 371. Л. 12; Д. 719. Оп. 31. Д. 3. Л. 12]. Объёмы грузооборота определялись экономико-географической значимостью территориально-отраслевого района при реализации стратегических интересов СССР, связями со странами антигитлеровской коалиции, техническим состоянием и возможностью использования мощностей ведомственных структур. Значение того или иного пути в организации перевозок определялось противостоянием враждующих сил на основных транспортных коммуникациях.

Специализация районов определила затратный характер промышленного и сельскохозяйственного производства, а также транспорта Дальневосточного региона. Основная ставка делалась на методы принуждения к труду. Способность исправительно-трудовых лагерей и колоний выполнять сложные народнохозяйственные задания в экстремальных условиях при минимальных государственных затратах убедили руководство страны в целесообразности расширения региональной пенитенциарной системы и лагерно-производственных комплексов.

Большинство дальневосточных предприятий и организаций с ограниченными технологическими возможностями в условиях неудовлетворительного финансово-экономического обеспечения осуществляли наращивание производственных мощностей за счёт оптимизации и интенсификации труда. Производственные совещания, смотры организации труда, технические конференции пробуждали творческую инициативу, способствовали развёртыванию социалистического соревнования, движения рационализаторов и изобретателей. Появились новые формы высокопроизводительного труда, которые воплотились в массовое движение «двухсотников», «трёхсотников», «тысячников», комсомольско-молодёжных фронтовых бригад, в котором был заключён новый смысл — работать за себя и товарища, ушедшего на фронт.

По инициативе коллективов ведущих предприятий страны (среди них были рабочие рыбокомбината «Тафуин» Приморского края и машиностроительного завода Комсомольска-на-Амуре) развернулось всесоюзное социалистическое соревнование. Поскольку чувство коллективизма, сопричастности являлось мощным побудительным мотивом высокопроизводительного труда, широко использовались такие формы, как вручение фронтовых заданий, проведение в дни решающих побед Красной армии фронтовых вахт и месячников, стахановских недель, занесение сверхплановой продукции на «Личный счёт мести» и «Личные счета фонда

Главного командования Красной Армии». За успешное выполнение специальных заданий орденами Ленина были награждены Комсомольский-на-Амуре авиационный завод и Дальзавод, орденом Трудового Красного Знамени — Комсомольский-на-Амуре судостроительный завод.

В годы войны социальная политика была направлена на поддержание активной части населения и нетрудоспособных граждан. Она гарантировала обеспечение по старости и при потере трудоспособности, а также материальную поддержку военнослужащих и их семей, материнства и детства. Согласно специальным постановлениям семьям военнослужащих в зависимости от числа нетрудоспособных выплачивались пенсии и пособия, предоставлялись льготы по налогам и обязательным поставкам сельхозпродуктов, оплате жилья и коммунальных услуг, их дети бесплатно учились в 8—10 классах средней школы, в техникумах и вузах.

По мере расширения военных действий льготы распространялись на всё новые и новые контингенты. Так, в сентябре 1944 г. из учтённых семей военнослужащих Хабаровского края государственными пособиями обеспечивались 40,1%, пенсиями — 5,9%, Приморского края — 35,2 и 10,5% соответственно. Возросла помощь беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям [подсчит. авт. по: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 29. Д. 10. Л. 68].

Ряд правительственных актов предусматривал разнообразные формы оказания помощи тем, кто пострадал при защите Отечества. В начале 1945 г. численность инвалидов Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке составляла 14,4 тыс., в начале 1946 г. — 18,8 тыс., из них до 1,5% — лица, утратившие трудоспособность, около 31% — сохранившие остаточную трудоспособность, примерно 67,5% — ограниченно годные к трудовой деятельности [подсчит. авт. по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 100. Л. 58; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 234. Л. 95; Ф. 1276. Оп. 1. Д. 119. Л. 25]. Они имели право на снабжение сверх установленных норм, обучение в любых учебных заведениях, льготы по обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции и различным видам страхования, индивидуальному строительству и ремонту жилья.

Деятельность всех лечебных учреждений Дальнего Востока без учёта ведомственной принадлежности была направлена в первую очередь на сохранение и восстановление работоспособности дальневосточников, предотвращение распространения инфекционных заболеваний. В 1945 г. регион располагал 45 роддомами и 431 стационарным врачебным учреждением на 16 544 койки, включая 28 ведомственных больниц наркомата путей сообщения и 10 — водздрава [подсчит. авт. по: ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 291. Л. 1; Управление статистики Приморского края. Текущий архив. Д. 1. Л. 12]. Поскольку существовала вероятность проникновения остро-заразных болезней из сопредельных территорий, принимались жёсткие меры по санитарной охране государственной границы, противоэпидемиологической защите дальневосточников.

Для поддержания жизненного уровня населения в ноябре 1941 г. вводилось нормированное снабжение продовольственными товарами, в середине 1942 г. — промышленными. Оно было дифференцировано по социальному (рабочие, служащие, иждивенцы, дети до 12 лет) и производственному (отрасли народного хозяйства, значимость выполняемой работы) принципам. Существовали высокие, повышенные и особо повышенные нормы, а также нормы снабжения по особым спискам и группам. Жители сельской местности не включались в систему централизованного распределения (нормы устанавливали местные органы власти), а колхозники полностью зависели от своего хозяйства, рынка и натуральной выдачи по трудодням.

Слабая продовольственная база, недостаток товаров народного потребления ограничивали возможности региональных структур в оказании поддержки дальневосточному социуму. Недостаток основных продуктов компенсировался увеличением в рационе населения картофеля и овощей, калорийность питания сократилась примерно на 20—25%, в том числе по продуктам растительного происхождения — на 15—20%, животного — на 45—50%. При нормированном снабжении принцип социальной справедливости нарушался, продовольственные и промышленные товары не доходили до рядового потребителя.

Различного рода выплаты и льготы предоставлялись без учёта трудового вклада той или иной личности и были наиболее ощутимыми для малообеспеченных категорий. Экзогенные факторы оказывали влияние на продолжительность жизни дальневосточников, но принимаемые меры по охране здоровья имели как социальный, так и экономический эффект: сокращалась смертность, уменьшились потери рабочего времени. Социальная политика жизнеобеспечения, реализовывая общегосударственные интересы, не только обеспечивала минимальный уровень жизни, но и помогала населению Дальнего Востока справиться с материальными и психологическими трудностями.

Социокультурный процесс на Дальнем Востоке интегрировал идеологическое, просветительское и агитационно-пропагандистское, образовательное и досуговое направления. Основными формами агитации и пропаганды являлись митинги и собрания, обсуждения военных событий и социальных проблем повседневности на уровне межличностного (межгруппового) общения с учётом социально-демографического, образовательного, квалификационного уровня слушателей по месту жительства и трудовой деятельности. В городской и сельской местности Дальнего Востока вели идейно-просветительную работу более 30 тыс. чел. Среди них были работники партийно-советских и общественных организаций, культурно-просветительских учреждений и производственных структур промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Так, лекторская группа Приморского крайкома ВКП(б), имея всего 10 штатных лекторов и работая

на пределе физических возможностей, с 1 января 1939 г. по 1 июня 1944 г. провела 5 тыс. лекций с охватом более 500 тыс. слушателей. Численность внештатных агитаторов и докладчиков составила 850 чел., которые прочитали 20,7 тыс. лекций и докладов. Тематически преобладали лекции о Великой Отечественной войне (36%) и международном положении (25%), текущих событиях (19%). Военно-оборонная тематика составляла 9%, историческая и историко-партийная — 5 и 6% соответственно [подсчит. авт. по: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 109. Л. 46].

Разъяснение идей о защите социалистического Отечества на примерах боевых и революционных традиций истории русского народа и народов СССР, противопоставление фашистской и советской марксистско-ленинской идеологии носили целенаправленный характер. В частности, в Хабаровском крае свыше 14 тыс. чел. занималось самообразованием, более 7 тыс. обучались в партшколах и кандидатских школах и 19 тыс. — в кружках политического образования. Только на предприятиях и в учреждениях работало 1132 кружка (17,5 тыс. слушателей), из них 431 (6,84 тыс. чел.) — по изучению истории партии, 492 (7,2 тыс. чел.) — книги И. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 209 (3,47 тыс. чел.) — текущей политики [подсчит. авт. по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 1903. Л. 12; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 185. Л. 45 об.].

В условиях реальной угрозы на дальневосточных приграничных территориях СССР началось формирование пояса военно-стратегической безопасности, который должен был обеспечить устойчивую оборону от вторжения потенциального противника и успешные наступательные действия Дальневосточного фронта, Тихоокеанского флота и Амурской военной

Пограничный дозор, Приморский край, 1940-е гг.

флотилии. В соответствии с военно-стратегическими задачами на сухопутном направлении в первую очередь прикрывались основные районы, пригодные для оперативного развёртывания войск противника, а также уязвимые участки Транссибирской железной дороги, на побережье — важные стратегические пункты как объекты вероятных морских десантов.

Для усиления обороны побережья в июле 1941 г. на подходах к основным военно-морским базам Тихоокеанского флота была оборудована 61 линия минных заграждений (выставлено 9105 мин и 1363 минных защитника), на секторах береговой обороны установлено 2,5 тыс. фугасов и 3,5 тыс. камнемётов, вводилась дымомаскировка [подсчит. авт. по: ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1022. Л. 121—122 об.; Ф. 2450. Оп. 4. Д. 17. Л. 50, 63—64; Д. 58. Л. 193; Д. 105. Л. 93—104]. С целью затруднить продвижение противника в октябре 1941 г. была составлена схема возведения искусственных сооружений и заграждений на главных коммуникационных линиях. Предполагалось разрушить на Приморской железной дороге не менее 4,7 тыс. м железнодорожного полотна, на Дальневосточной — более 5,5 тыс. м, одновременно уничтожив мосты и тоннели [подсчит. авт. по: ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 1. Л. 1—4, 39—44]. Вокруг расположенных в приграничных зонах дальневосточных городов и железнодорожных узлов сооружали противотанковые рвы и надолбы, создавали огневые точки. В частности, в 39 поселениях Приморского края было подготовлено 127 артиллерийских и 176 миномётных площадок, 147 точек для противотанковых ружей, 1662 — для пулемётов (1474 точки в зданиях), 26 командных и наблюдательных пунктов, 8,15 км противотанковых препятствий, 65 км ходов сообщений. В Спасске на строительство 604 оборонительных точек (в том числе 406 амбразур для стрелковых отделений, 135 — для пулемётов и противотанковых ружей) было затрачено 1,2 тыс. чел./дней, в Уссурийске на строительство 895 огневых точек — 6,2 тыс. чел./дней. Жители Владивостока на сооружении оборонительных рубежей отработали около 137,2 тыс. чел./дней [подсчит. авт. по: ГАПК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 579. Л. 55—56, 73, 203, 215, 273; Ф. 26. Оп. 20. Д. 83. Л. 215].

Укреплённые районы на Дальнем Востоке, рассчитанные на длительное сопротивление специальных гарнизонов и общевойсковых соединений, обеспечивали советскому командованию свободу манёвра, позволяя создавать воинские группировки для нанесения ответного удара. На случай неблагоприятного начала военных действий разрабатывались планы эвакуации населения и ценного имущества из фронтовых и прифронтовых районов Дальневосточного региона, создавались очаги сопротивления. В частности, во Владивостоке на учёте находились 183 чел., которых планировалось использовать на специальной работе в тылу противника. В Хабаровском крае прошли обучение в диверсионных школах 863 чел., из них 278 чел. призвали в специальные части для работы в тылу противника, а 585 чел., в том числе 106 женщин, оставили

Аэростаты заграждения над бухтой Золотой Рог. Владивосток, 1943 г.

как резерв для комплектования боевых групп. Только в Хабаровском крае было создано 173 партизанских отряда (7668 чел.), в Тетюхинском районе Приморья — три конных и один пеший отряды. Из местных продовольственных и промышленных запасов для партизанских отрядов выделялся необходимый ассортимент товаров (мука, крупа, сахар, соль, консервы, табак, керосин и бензин, смазочные материалы, тёплая одежда и обувь) из расчёта примерной месячной потребности [подсчит. авт. по: ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1531. Л. 51 об.; ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 963. Л. 58, 59; Д. 982. Л. 92].

Защита населения и объектов народнохозяйственного комплекса от нападения противника как часть общегосударственных оборонных мероприятий возлагалась на структуры местной противовоздушной обороны с учётом формирования невоенизированных групп самозащиты. За годы войны по обязательной 28-часовой программе противовоздушной и противохимической защите было обучено более 1,56 млн дальневосточников в возрасте от 8 до 60 лет (131,9% планового задания), переподготовлено по дополнительной шестичасовой программе около 1,1 млн чел., создано 2,2 тыс. групп самозащиты, обучено 22,9 тыс. инструкторов-общественников [подсчит. авт. по: ГАРФ. Ф. 8355. Оп. 1. Д. 342. Л. 86; ГАХК. Ф. 873. Оп. 3. Д. 29. Л. 73; Д. 30. Л. 225; ГАПК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 123].

Жители обеспечивались средствами индивидуальной и коллективной защиты. Осуществлялась техническая маскировка территорий под цвет окружающего ландшафта. В частности, во Владивостоке в тёмно-серый окрасили 578 наиболее демаскирующих зданий (85% основных ориентиров), огнезащитным составом покрыли множество чердаков и снесли около 3 тыс. малоценных надворных построек, что существенно изменило облик города [подсчит. авт. по: ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 963. Л. 171—173].

При определении численности вооружённых формирований учитывалась специфика геополитического пространства, удалённость войсковых соединений и маловероятность внутри- и межрегиональной перегруппировки войск при огромной протяжённости морских и сухопутных границ на Дальнем Востоке СССР. В годы войны для его обороны использовалось от 32 до 59,5 расчётных дивизий, от 13 до 29 авиационных дивизий и до 27 танковых бригад, 6 дивизий и 4 бригады войск противовоздушной обороны общей численностью от 703,7 тыс. до 1,1—1,4 млн чел. На их вооружении находилось 10—20,6 тыс. орудий и миномётов, 3,1—2,3 тыс. танков и самоходных орудий, 4,1—4,3 тыс. боевых самолётов, 100 боевых кораблей основных классов Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской военной флотилии [2, с. 183].

Воинские подразделения на восточных рубежах комплектовались по стандартам военного времени, их численность изменялась в зависимости от оперативно-стратегической обстановки и необходимости пополнения действующих частей на советско-германском фронте. С сентября 1941 г. по май 1944 г. туда с Дальнего Востока в составе различных формирований было направлено 399 тыс. военнослужащих. На западное направление

Бомбардировщик Ил-4 из состава эскадрильи «Хабаровский комсомол», 1942 г.

перебросили 1 мотострелковую и 16 стрелковых дивизий, 3 курсантские стрелковые бригады, 4 танковые дивизии, 19 авиаполков, 13 артиллерийских бригад и 3 полка, 1 кавалерийский полк и 2 кавалерийские дивизии, а также строительные, железнодорожные, сапёрные батальоны, автополки и роты связи. Тихоокеанский флот передал на другие флоты и в части Красной армии 149,3 тыс. чел. и около 2 тыс. чел. — на укомплектование военизированных транспортов, Краснознамённая Амурская флотилия — 9,5 тыс. чел. [подсчит. авт. по: ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 325. Л. 117—121].

Дальневосточники воспринимали себя частью советского общества. В годы войны в регионе было мобилизовано 517 тыс. чел., или 2,4% ушедших на военную службу с территории РСФСР, в том числе с августа 1942 г. по декабрь 1944 г. — 55 тыс. призывников 1924—1927 гг. рожд. (63% учётных лиц), из них более 43% направили в стрелковые дивизии и запасные части Дальневосточного фронта, 24% — на Тихоокеанский флот, 10% — в войска НКВД, 6% — в военные училища, 3% — в части ПВО, а также в бронетанковые и артиллерийские части, разведывательные и снайперские школы, полки связи. По территориальным образованиям Дальневосточного фронта безвозвратные потери составили 83 тыс. чел. (16% призванных на военную службу в годы войны). В Книги памяти занесено 123,4 тыс. имён дальневосточников [1, с. 10, 410, 413].

Стратегическое развёртывание сухопутных формирований и соединений военно-морского флота, их количественный и качественный состав сохраняли паритетное начало с вероятным противником. Из-за опасения спровоцировать нападение Японии все мероприятия в Дальневосточном регионе проводили секретно, в рамках «военно-учебной подготовки». Большое внимание уделялось мерам, направленным на сокрытие войск от наземного и воздушного наблюдения противника, были установлены правила полётов гражданского воздушного флота с учётом наличия запретных зон на территории Дальневосточного фронта.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны безопасность Дальнего Востока СССР поддерживалась с использованием социально-политических и экономических возможностей страны в соответствии со стратегией активной обороны, предполагавшей не только отражение агрессии, но и разгром противника в случае начала военных действий. Форсированное вовлечение ресурсной базы восточных территорий государства позволяло получить быструю отдачу, но **успешное реформирование одних сфер осуществлялось за счёт других**, что приводило к очаговому и одностороннему социально-экономическому развитию, усиливало дифференциацию между отдельными административными образованиями региона. Наибольшее развитие получили индустриально-аграрные, урбанизированные южные территории Приморского и Хабаровского краёв, Еврейская автономная и Амурская области, тогда как в северных районах Приморского и Хабаровского краёв, Нижне-Амурской, Камчатской, Сахалинской областях, Чукотском и Корякском автономных округах,

на Колыме сформировались локальные индустриальные зоны. Слабыми сторонами являлись неравномерная заселённость территории, недостаточные трудовые и мобилизационные ресурсы, неразвитые энергетическая, транспортная, военно-экономическая, инновационная инфраструктуры, низкий уровень жизнеобеспечения и интегрирования в общесоюзное пространство.

Приоритетная реализация общегосударственных интересов, обращение к национально-патриотическим традициям и осознание необходимости отражения агрессии явились важнейшим фактором морально-психологической и социально-экономической устойчивости дальневосточного социума. Движение «Всё для фронта, всё для победы!» стало символом советского патриотизма, гражданственности и жертвенности, помогло народу СССР одержать Победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Всероссийская книга памяти. 1941—1945. Обзорный том. М.: Воениздат, 1995. 544 с.
2. История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1980. 495 с.
3. Зеляк В.Г. Пять металлов Дальстроя: История горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30—50-х гг. XX в. Магадан: Кордис, 2004. 283 с.
4. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
5. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
6. ГАСО (Гос. арх. Сахалинской области).
7. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
8. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).
9. РГАЭ (Рос. гос. арх. экономики).
10. Управление статистики Приморского края. Текущий архив.
11. ЦАМО (Центр. арх. Министерства обороны Российской Федерации).
12. ЦВМА (Центр. военно-морской арх.).

REFERENCES

1. *Vserossiyskaya kniga pamyati. 1941—1945. Obzornyy tom* [The All-Russian Memory Book. 1941—1945. Review Volume]. Moscow, Voenizdat Publ., 1995, 544 p. (In Russ.)
2. *Istoriya Vtoroy mirovoy voyny. 1939—1945. T. 11. Porazhenie militaristskoy Yaponii. Okonchanie Vtoroy mirovoy voyny* [The History of the Second World War. 1939—1945. Vol. 11. The Defeat of Militarist Japan. The End of World War II]. Moscow, Voenizdat Publ., 1980, 495 p. (In Russ.)
3. Zelyak V.G. *Pyat' metallov Dal'stroya: Istoriya gornodobyvayushchey promyshlennosti Severo-Vostoka Rossii v 30—50-x gg. XX v.* [Five Metals of Dalstroy: The History of the Mining Industry in the North-East of Russia in the 30s—50s of the Twentieth Century]. Magadan, Kordis Publ., 2004, 283 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 17.03.2020